Татьяна Ефремова

СЛЕД НА ВОДЕ

Татьяна Ивановна Ефремова
След на воде

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34354943

Аннотация

Наталья Колобова работает официанткой на туристическом теплоходе, который возит в основном иностранных гостей по великой сибирской реке. В очередном круизе на борту оказывается группа русских туристов – крупный бизнесмен оплатил путевки для своих одноклассников, устроив своеобразный «вечер встречи выпускников». Одним из этих одноклассников оказывается приятель Натальи – Дмитрий Захаров, старший оперуполномоченный городского убойного отдела. Поначалу все складывается как нельзя лучше, но вскоре приятное и легкое путешествие превращается в череду странных и даже смертельно опасных для участников событий…

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 28
Глава 3 41
Глава 4 48
Глава 5 65
Конец ознакомительного фрагмента. 74

Татьяна Ефремова
След на воде

© Ефремова Т.И., 2013

Глава 1

Вступительные аккорды марша, искаженные динамиком, грянули слегка запоздало – теплоход уже отвалился от пристани и медленно разворачивался к ней кормой. Поэтому следующие протяжно-печальные звуки были как раз кстати. Как будто оставшиеся на берегу, спохватившись, стали сильно горевать по тем, кто сейчас бодро махал руками со всех четырех палуб.

Марш «Прощание славянки». Сильная вещь. Особенно для русского человека. И не потому, что все мы славяне и славянки, а потому, что мелодия эта сопровождает многих из нас на протяжении всей жизни. Меня, например, сопровождает. Еще с детского сада. Там мы со всех утренников уходили, бодро маршируя под «Прощание». И не важно: Новый год мы до этого отмечали или праздник осени. Уходили всегда одинаково – под «Прощание славянки» и аплодисменты мам и бабушек, опасливо восседающих на ненадежных детских стульчиках. Некоторые ухитрялись даже плакать от умиления, несмотря на неудобные позы. Потом уже я узнала, что наша «детсадовская прощальная» применяется довольно широко и в жизни, и в кино, особенно в том, которое про войну. Или, на худой конец, про армию. Туда тоже всегда провожали под этот волнующий марш. Со слезами и надеждой. В общем, музыка эта для меня прочно ассоциируется с

проводами и слезами. И, вполне возможно, с последующей героической гибелью. Чтобы слезы не напрасно.

А вот зачем «Прощание славянки» включают при отплытии в очередной круиз туристического теплохода? Да еще и битком набитого иностранцами. По привычке? Или для национального колорита? Так иностранцам наши бравурные марши без интереса – они, кроме «Катюши» и «Подмосковных вечеров», ничего нашего и не знают. Может, это и хорошо – нет у них того непонятного умом щемящего чувства, которое испытывают «наши» каждый раз, когда под несущиеся из динамиков звуки теплоход начинает удаляться от пристани, и тех, кто на ней.

Провожающих, кстати, довольно много: мамы-папы, друзья, любимые и просто прохожие, жадные до впечатлений. У нас ведь не морской порт, белоснежные красавцы лайнеры туда-сюда не шныряют. Так что отплытие нашего «Михаила Зощенко» – событие не рядовое. Есть на что посмотреть. Поэтому и на пристани толпа внушительная, и на палубах битком. Команда, побросав дела, машет руками провожающим, а туристы поражаются широте русской души. А может, думают, что такие пышные проводы входят в программу круиза.

Я в такие моменты на палубу не хожу. Мне неуютно среди всеобщего ликования – провожать меня некому. Так уж жизнь сложилась: с мужем мы скоропалительно расстались еще в прошлом году, сын гостит у бабушки, друзья и приятели все на работе. В повседневной жизни одиночество на-

прягает не сильно. А вот когда теплоход отходит от пристани и провожающие машут вслед… Так, хватит о грустном. В любой ситуации есть хорошие и плохие моменты. Надо искать хорошее, а не зацикливаться на том, что некому меня проводить. В конце концов сама виновата: не надо было с Димычем ссориться, вот и не осталась бы без провожающих. Хотя… Димыч все равно не приходил бы меня провожать. Во-первых, к сентиментальностям всяким он не склонен, во-вторых, на работе своей вечно занят. Опять не о том думаю. Надо найти что-то хорошее в том, что я, единственная из ресторана, не торчу сейчас на палубе. Пылесос вот, например, в полном моем распоряжении. Не надо ждать своей очереди, а значит, можно будет освободиться пораньше.

Воодушевленная сверх меры, я энергично заелозила щеткой по полу. Пусть машут руками. Пусть пускают слезу. Потом еще будут бродить, расстроенные, по ресторану, жаловаться друг другу на судьбу. И закончат уборку почти перед самым ужином. А я сейчас мигом с пылесосом пробегусь, потом столы накрою – это быстро – и еще часок поспать успею. Вот и будет мне от одиночества сплошная выгода.

– А ты чего тут одна пашешь, как Золушка?

Я вздрогнула от неожиданности и обернулась. Прямо у меня за спиной стояла заплаканная Карина Манукян и шмыгала носом. Что за манера подкрадываться незаметно?! Хотя, может, я напрасно злюсь – Карина могла окликнуть меня и раньше, просто из-за шума пылесоса я ее не услышала. Да

и вообще злиться на зареванного ребенка не годится. А Карина сейчас именно таким ребенком и выглядела.

Она вообще больше похожа на девочку-школьницу, чем на студентку теперь уже четвертого курса. Невысокая, тоненькая, с темной косой до попы. А еще очень впечатлительная и эмоциональная. Все рядом – и смех, и слезы. Причем и плачет, и смеется она самозабвенно, независимо от значительности повода.

Вот и сейчас стоит вся распухшая от слез, а спроси причину – окажется, что жалко было с мамой расставаться. На двадцать дней.

– Кариш, ты чего такая зареванная? – поинтересовалась я для порядка.

– Да ну… – она шмыгнула носом совсем уж жалобно. – Расстроилась чего-то. Ты молодец – не ходишь на палубу, когда отходим. А я прямо дура какая-то, каждый раз туда прусь, а потом плачу вот. Мама с берега машет, а мне что-то так жалко себя становится. Да еще музыка эта. Она когда играет, мне кажется, что я на войну уезжаю и меня там обязательно убьют. Я сразу начинаю представлять, как маме напишут, что меня убили. Как гроб со мной привезут, и даже не откроют. Вдруг меня взрывом изуродует, и показывать будет нельзя. Или я уже разлагаться начну…

Ну и фантазия у этой крошки! С таким воображением «Прощание славянки» вообще противопоказано. Надо тему сменить, и так тошно.

– Хватит кукситься! – решительно заявила я. – Мы не на войну едем. Мы с тобой едем в круиз по великой сибирской реке. И у нас работы много. Так что думай о хорошем и тащи давай приборы.

Карина, всхлипнув напоследок, помчалась в сервировочную за своим лотком, а я выключила пылесос и достала из шкафчика оставшиеся со вчерашнего ужина салфетки.

Сегодня мы крутим «свечки». Или «бомбочки», как мы называем их между собой. Так уж заведено: на первый ужин у нас салфетки – «веера», на второй – «свечки». Без всякого тайного смысла, просто потому, что эти самые «бомбочки» – единственный вариант, в который можно перекрутить вчерашние «веера» без предварительного разглаживания.

В первый ужин мы накрываем все столы полностью, неизвестно ведь, сколько за каким окажется человек. На второй день, когда уже ясно, сколько за нашими семью столами обедает туристов, мы лишнего не накрываем. Вот и перекручиваем оставшиеся «веера» в «свечки». Почему нельзя просто погладить непригодившиеся салфетки? Мне тоже раньше это было интересно. Вообще многое мне тут было непонятно поначалу.

Пока я размышляла о повседневном невольном нашем идиотизме, в ресторан вернулись и все остальные девчонки. Торжественные проводы закончились, началась привычная работа. Шумели оба пылесоса, звенели приборы, перекладываемые из лотков в выдвижные ящики на станциях. В проти-

воположном конце ресторана слышался резкий голос Светки Зотовой.

– Куда ты столовые ножи к закусочным валишь, горе мое? Сколько раз говорить, сортировать надо еще на перетирке! Пятый круиз начался, а ты элементарных вещей запомнить не можешь.

– Чего Светка опять разоряется? – спросила я у подошедшей Кати Вепревой, моей старшей на этот рейс. Спросила больше для порядка, для поддержания разговора. И так все было ясно: на первой станции в этот раз подобрались совершенно не подходящие друг другу люди. Старшая там Светка – слишком темпераментная, резкая, и даже грубоватая. Непростой у Светки характер. А в напарницы ей в этот раз достались Женечка-тихоня с вечно извиняющимся лицом и Жанна.

О Жанне разговор особый. Что это за явление такое «Жанна Глотова» и почему половина наших девчонок страдальчески морщатся при ее упоминании, я смогла досконально прочувствовать в прошлом круизе. Мы тогда как раз с Жанной на одной станции оказались. Это не напарница – это какой-то уникальный коктейль из лени, тупости и высокомерия. Мало того что работать нам приходилось вдвоем вместо троих, так еще нужно было постоянно следить, чтобы Жанна чего-нибудь не «накосячила», и исправлять, если недоглядели. В общем, работать с Глотовой на одной станции я больше не хочу ни за какие коврижки. И не только я.

Все, кто успел отметиться у Жанны в напарницах, согласны работать с кем угодно, хоть с заклятым врагом, только не с ней. Лучше уж Светкины вопли слушать – она хоть по делу орет. Вот только не спрашивает нас никто. Серега Нечипорук – менеджер ресторана – перед каждым круизом лично составляет списки наших «троек». И плевать ему на наши симпатии и антипатии. «Работа не должна зависеть от личных отношений, – говорит он. – Дружите после работы. А здесь вы должны действовать как винтики и шестеренки». Вот и тасует нас, двенадцать человек, перед каждым круизом по-новому.

Двенадцать официанток, четыре станции, по три человека на участок из семи столиков. Моя станция на этот рейс – третья. А старшая официантка у меня, к огромному моему удовольствию, Катя Вепрева. Золото, а не человек, я под ее началом в своем самом первом круизе работала. А с Кариной мы напарницы первый раз. Ничего, притремся друг к другу. У нас на это еще одиннадцать дней.

Светка продолжала сыпать проклятия на чью-то голову.

– На кого это она?

– На Жанну, – Катя даже удивилась моей недогадливости. – Больше-то не на кого. Нам эти концерты еще десять дней слушать. Если, конечно, Светка ее раньше не убьет.

Мы с Катей в четыре руки крутили салфетки и старались не прислушиваться к разгорающемуся на первой станции скандалу. Ну или по крайней мере делали вид, что нам

это не интересно. Быть совсем не в курсе не получалось – крики становились все громче, причем орала не только Зотова. Жанна тоже в долгу не оставалась и от души советовала Светке заткнуться и пойти по известному всем с малолетства адресу. Но ругалась она неинтересно – нудно и неизобретательно, больше на голос налегала. Потом вопли вдруг стихли так же неожиданно, как и начались. В следующую минуту Светкин голос раздался прямо над нами:

– Девки, вам «вееров» не подкинуть?

Она стояла возле нас, бодрая и совсем нерасстроенная. Скандал ей даже пошел на пользу – глаза просто горели. Светка положила передо мной штук пять или шесть свернутых салфеток и плюхнулась на свободный стул.

– Чего это вы такие нежадные? Салфетки раздаете.

– Да у нас их полно осталось. Народу мало, вторая посадка пустая. Только два стола переводчиков.

– Вот кстати! – Катя откинулась на спинку и сложила руки на груди. – Очень интересно, как это у вас так получилось? У всех битком, а у вас вторая посадка свободная. Колись, Зотова, с кем договорилась?

– Повезло, – картинно развела руками довольная Светка. – Должно же человеку хоть иногда везти, не только ведь подлянки от судьбы получать. В виде Жанны.

Мы сочувственно хмыкнули, и ободренная Зотова продолжила:

– Мне с Жанной день за два должен считаться. И оплачи-

ваться соответственно. Потому как чаевых нам в этом рейсе тоже не видать. Разве что кто-нибудь из жалости подкинет, увидев, как я с этой дубиной мучаюсь.

– Это точно, – посочувствовала я Светке, вспомнив свой последний рейс.

Туристы редко дают чаевые лично тебе. В индивидуальном порядке. Как правило, вручают в последний день круиза сразу на всех. А для этого и работать должны все четко и слаженно. С Жанной этот фокус не пройдет.

– У вас чаевых и так бы не было. Откуда им взяться, если народу в два раза меньше?

Светка согласно кивнула.

– Да черт с ним, с народом! Все равно денег не видать, так хоть отдохнем маленько. – Она встала и сладко потянулась. – А вы крутите наши салфетки, крутите. Помните мою доброту.

Честно признаться, я девчонкам с первой станции немного завидовала. Хоть и не понимала, как может такое случиться. У всех обе посадки битком, а им такой подарок – пять столов из семи пустые. Где, спрашивается, справедливость?

Завидовать Зотовой с компанией мы дружно перестали минут через двадцать, когда в ресторане появился Володин – наш метрдотель – и, пробежав с инспекцией по всем станциям, позвал нас на обязательную ежедневную планерку. По-нашему, «митинг». Митинговали мы, кстати, всегда на первой станции. Так уж исторически сложилось.

Сначала все шло как обычно. Володин изо всех сил корчил из себя начальство. Учитывая, что мэтром он стал только в этом году, а добрая половина девчонок начинали работать в компании с ним вместе, выглядело это очень смешно. Никто, правда, не смеялся. Во-первых, субординация, во-вторых, хотелось поскорее закончить и пойти по каютам. Поэтому Володин старательно пел о качестве работы и дисциплине, мы дружно кивали. Ничто, как говорится, не предвещало. И вдруг…

– Еще раз напоминаю всем! Чтобы никаких мне воплей из сервировочной не раздавалось. Особенно на перетирке. А то у вас там просто клуб по интересам какой-то. Языками чешете, как бабы у колодца. И вообще болтайте поменьше. Между собой.

– А если по работе? – не выдержал кто-то. – Нам, что же, и по работе друг другу пару слов сказать нельзя?

– Работать вы должны уметь и без пары слов. Не нужны никакие слова, если каждая четко знает, что должна делать. К тому же многие туристы понимают по-русски. И ваши разговоры во время обеда им ни к чему. Особенно это первой станции касается. Зотова, слышишь меня?

– А чего сразу первая станция? – вскинулась Светка. – Что мы, особенные?

– На этот рейс да. Ты ведь уже в курсе, кто у вас будет во вторую посадку?

Судя по лицу, у Светки появились нехорошие опасения.

И, как оказалось, не зря.

– Нет, Андрюшенька, я не в курсе. Кто бы мне сказал? У вас ведь, у начальства, вечно от нас, бедненьких, секреты.

– Что ты, Светик! – Володин скроил в ответ совершенно сиропную физиономию. – От тебя у нас секретов нет. Ты же знаешь, как я к тебе прекрасно отношусь. Вы ведь целые сутки практически отдыхали – с пустой второй посадкой-то.

– А теперь? – пискнула со своего места Женечка-тихоня, тоже почуяв неладное.

– А теперь будете работать как все. В две посадки.

– А откуда туристы возьмутся на вторую посадку?

– Уже взялись. С берега, откуда же еще. Сегодня перед отправлением заселились.

– Наши, что ли? – прошептала Светка.

Володин был доволен произведенным эффектом.

– Правильно, Светик! Ты меня снова радуешь своей сообразительностью. Наши. Русские. Целых восемнадцать человек.

– Е-мое! – завопила Зотова дурным голосом. – Пристрелите меня! Ну, спасибо тебе, Андрюша, за такую посадку! Восемнадцать русских и два стола переводчиков. Теперь я вижу, как ты ко мне относишься. Большей гадости и придумать нельзя.

– Да ладно тебе, – Володин, кажется, испугался такой бурной Светкиной реакции. – Что я мог сделать?

– Ты мог их хотя бы по разным станциям рассадить. Зачем

всех к нам-то?

– По разным станциям их нельзя – это одна компания. Это заранее было оговорено. У них и каюты рядом.

– Пипец! – Светка ткнулась лицом в ладони и начала раскачиваться и причитать: – Да что же за жизнь у меня такая гадская? Почему все шишки вечно мне? Все люди как люди – у них бабушки швейцарские кушать будут – а я как сирота. Не видать мне ни чаевых, ни спокойной жизни…

– Зотова, прекрати этот цирк, – недовольно скривился Володин.

Но Светку так легко заткнуть еще никому не удавалось.

– Цирк еще и не начинался. Цирк сегодня за ужином начнется. Восемнадцать человек русских – это же просто удавиться!

Расходились мы потрясенные до глубины души. Светку было жалко, а помочь ей нельзя. Разве что предложить ей поменяться на этот рейс. Но, во-первых, жалко Зотову было не настолько, чтобы взамен ее головы подсунуть под топор собственную. А во-вторых, Нечипорук на это никогда не согласится: дисциплина есть дисциплина, и исключений быть не должно. Начальство расписало нас по станциям, и нечего самодеятельностью заниматься.

Светка даже всплакнула в сервировочной. Ее девчонки – Женечка и Жанна – стояли, совершенно обалдевшие, рядом. Они видели, что случилось страшное, но насколько это ужасно, понять пока не могли. Работали они обе первый сезон и

с русскими туристами пока не сталкивались.

Зотова аккуратно промокнула салфеткой размазавшуюся тушь, шмыгнула носом и мстительно пообещала всем нам:

– А вы тоже не надейтесь на легкую жизнь. Всем достанется. Эти русские ужинать будут до полночи. Это иностранцы в ресторане покушают, а выпивать в бар идут. Наши граждане здесь гудеть будут. Уборкой при туристах заниматься нельзя, придется всем ждать, пока разойдутся. Так что готовьтесь ночевать на работе.

Конечно, сказала она это в сердцах. Может, и преувеличила чуток. Но изрядная доля истины в Светкиных словах была – русские туристы действительно любят засиживаться в ресторане. Уборкой при них заниматься нельзя – правила есть правила – а уж намекать «гостям», что пора бы им уже освободить помещение, запрещено категорически. Так что ситуация может сложиться весьма и весьма невыгодная для всех. Есть о чем задуматься.

Все это мне доходчиво растолковала Катя, увлеченно подбрасывая в воздух куски хлебной корки. До воды ни один кусок не долетел – несколько чаек внимательно следили за Катиными движениями и реагировали моментально. Упитанные, надо сказать, птички. Я первое время тоже поддалась этому всеобщему увлечению – кормлению чаек. А потом поостыла. На несчастных голодных птичек чайки не тянули. Своей наглостью и раскормленным видом они здорово напоминали городских голубей. А еще – своей всеядностью. Ло-

пают все подряд, что появляется в воздухе. Иногда, увлекшись, хватают выброшенные с кормы окурки. И никто никогда не видел, чтобы хоть одна окурок выплюнула. А уж когда на корме рыбу разделывают, вообще творится что-то невообразимое. Настоящий эскорт из чаек за теплоходом.

– Кать, неужели все так страшно? – решилась я отвлечь напарницу от захватившего ее целиком занятия.

Она посмотрела на мою угрюмую физиономию и рассмеялась.

– Не боись, прорвемся! Русские ведь не все – придурки. Большинство милые и приятные люди. Просто запоминаются те, кто дал жару. Паршивая овца, знаешь ли… Зотовой четыре года назад досталась компания «новых русских». За столом вести себя не умели совершенно, свинячили – жуть. Девчонок загоняли просто, даже драку один раз в ресторане устроили. Так стыдно было перед европейцами. Вот Светка теперь на всякий случай русских туристов заранее боится.

– А часто русские бывают?

– Очень редко. Не каждый год даже. У нас ведь дорого. Да и не интересно нашим Сибирь смотреть. Наши в жаркие страны едут, позагорать, в море поплескаться. А здесь – европейцы. Им интересно, экзотика.

– А чего же эти восемнадцать человек здесь делают?

– А хрен их знает! – весело сообщила Катя, в очередной раз введя меня в недоумение. С виду – сама интеллигентность, а как ввернет словечко, просто ушам не веришь. –

Может, просто оригиналы. А может, мероприятие у них какое-нибудь. Научная конференция там или семинары какие. Тогда Зотовой повезло – у таких график жесткий: лекции там всякие, обсуждения. Они долго не засиживаются. Поели быстренько и поскакали организованно по делам. Просто прелесть, а не туристы.

Катя докормила птиц, постояла немного, подставив лицо солнцу, и ушла. А я осталась размышлять, сидя на скамейке, о русских туристах, тяжелой официантской доле и о собственном одиночестве. Все-таки «Прощание славянки» мне слушать нельзя. На работе-то я хорохорилась, Карину утешала. А сейчас что-то раскисла. Так захотелось, чтобы и меня приходили провожать. Ну, хоть кто-нибудь. Даже Димыч с его грубоватой прямолинейностью казался сейчас почти родным. Давненько, видно, не попадалась я ему под горячую руку. Даже соскучилась по этому его: «Вот объясни ты мне, почему вы, бабы, такие дуры?»

– Вот объясни ты мне, почему вы, бабы, такие дуры? – раздалось по правому борту.

Я подскочила от неожиданности и испуганно заозиралась. Этого еще не хватало! Уснула я, что ли, пригревшись на солнышке? Нет, надо высыпаться как следует. Чтобы не слышать на ровном месте всякие голоса. Вот прямо сейчас и пойду, посплю часа полтора, пока время есть…

– Ты что себе позволяешь, Захаров? – визгливо поинтересовался женский голос с того же правого борта. – Ты вы-

бирай выражения все-таки.

– Я и выбираю, Курятова. А за то, что ты сделала, «дура» – это даже ласково.

– Сам ты придурок! Алкоголик несчастный! – взвизгнула невидимая мне Курятова и застучала каблуками по палубе.

Я отказывалась верить своим ушам. Судя по голосу и манерам, это Димыч. Второго такого хама еще поискать. Да и фамилия совпадает. Но Димыча Захарова не может здесь быть. Потому что не может быть никогда.

Как, скажите, может очутиться капитан милиции Захаров на туристическом теплоходе, где самая дешевая путевка полторы тысячи долларов стоит? А может, он здесь не отдыхает? Может, на задании? Хотя, какие дела могут быть у городского убойного отдела на нашем «Михаиле Зощенко»? Тут же сплошные иностранные подданные. Даже если и натворили чего, ими Интерпол должен заниматься.

Видно, галлюцинации у меня. От недосыпания и общего эмоционального расстройства. Чтобы убедиться, что все мне только кажется, я встала со скамейки и, вытянув шею, лениво посмотрела за угол, вдоль правого борта.

Вернее, собиралась посмотреть. Но не успела, потому что в ту же секунду была буквально сметена захаровской тушей. Какие тут, к черту, галлюцинации! Вот он, красавец, собственной персоной.

– Чувствую себя Анной Карениной, – сообщила я Димычу, потирая ушибленное об него ухо. – Будто попала под по-

езд, но чудом выжила.

Первый раз за время нашего знакомства я видела Димыча растерянным. Он смотрел на меня, как на привидение, и молча хватал воздух ртом.

– Ты здесь откуда? – наконец выдавил он, озираясь по сторонам.

– Работаю я здесь. А вот ты откуда?

Димыч метнулся к левому борту, быстро глянул вдоль него, потом вернулся, но на скамейку не присел – остановился напротив меня и сложил на груди руки. Кого он высматривает? Неужели и правда следит за кем-то? Я уже оправилась от первоначального шока, и теперь вопросы лились из меня рекой:

– Ты здесь кого-то ищешь, да? Убийцу ловишь? Туристы же только вчера приехали, когда бы они успели? Или это из команды кто-то? Среди нас, что, убийца есть? Мама!

– Твою мать! Я думал, хоть здесь от твоей болтовни отдохну, – широко улыбаясь, сообщил Димыч. – Но, видно, не судьба.

– Когда это ты от меня устать успел? Мы не виделись уже месяца два.

– Два месяца? А пролетели, как один день. В тишине и покое.

Тут меня осенила догадка:

– Димыч, а ты чего озираешься? Беспокоишься, что нас вместе увидят, что ли? Ты тут не один?

– Не один, – кивнул Захаров.

– С женщиной? – уточнила я. – Ты не переживай, я могу сделать вид, что с тобой не знакома, если так.

Димыч тряхнул головой, как собака, которой в ухо попала вода.

– Что ты несешь! С какой женщиной? В отпуске я.

– В отпуске?

– Да. Имею право, между прочим. Я три года в отпуске не был.

Право-то он, конечно, имеет. Только подозрительно все это.

– Димыч, а с каких это пор оперативники убойного отдела проводят отпуск на буржуйских туристических теплоходах? Или у тебя такие хорошие отпускные скопились за три года?

Врушка Захаров сник просто на глазах. Не ожидал, видно, что его так быстро раскусят.

– Чего это он буржуйский? – забормотал Димыч, выковыривая из пачки сигарету. – Нормальный наш отечественный теплоход.

– Ага, наш. Отечественный. Только арендует его швейцарская турфирма. Она же и путевки продает. У нас что, уголовный розыск вышел на международный уровень?

– Да говорю же, отпуск у меня.

– А деньги у тебя откуда на такой роскошный отпуск, а? Ой, Захаров, ты что, оборотень в погонах?

– Блин! И здесь то же самое. – Димыч посмотрел на меня

совсем жалобно. – Ты хоть не начинай, меня на работе с этим оборотнем задолбали.

– Их можно понять. Давай колись, как ты здесь оказался, отпускник?

Кололся Захаров на удивление складно, видно, не первый раз уже рассказывал, как дошел до такой красивой жизни.

История получалась не такая уж невероятная. Один из захаровских одноклассников, парень смышленый и не лишенный деловой хватки, почти сразу после выпускных экзаменов уехал в Москву. Сначала учился, потом учился и работал, потом работал. Много и упорно. Результатом такого упорства стала собственная фирма, одной из первых в стране начавшая поставлять на российский рынок компьютеры. «Серега всегда к электронике был неравнодушен, – пояснил Димыч такой выбор деятельности, – вечно что-то клепал там своим паяльником. Его физичка очень за это любила». А уж когда появились пейджеры, а потом и сотовые телефоны, Серега не упустил своего шанса. Если верить Захарову, Серегина фирма захватила весьма значительную долю рынка средств мобильной связи. Со всеми вытекающими последствиями. «Серега-то наш теперь – олигарх, – гордо поведал мне недавний олигархический одноклассник, – самый настоящий!» Достигнув в этой жизни многого, Серега-олигарх вдруг обнаружил, что ничто человеческое ему не чуждо. В том числе и тоска по малой родине. Вспомнилось вдруг, что сам он сибиряк и что после школы в родном горо-

де толком не был, и дружбы такой бескорыстной, как в школе, больше не встречал. Затосковал, в общем. Но ненадолго. Потому что был человеком деятельным, привыкшим решать свои проблемы одним махом. Разыскал на «Одноклассниках» пару школьных приятелей, через них вышел на остальных. И предложил устроить вечер встречи выпускников. Но не ограничиваться несколькими часами общения, а вспомнить «школьные годы чудесные» по-настоящему. Для этого жаждущий непринужденного общения Серега выкупил пару десятков путевок на туристический теплоход, возящий иностранных туристов по Сибири. Чтобы не только молодость вспоминать, но и родной край посмотреть после стольких лет разлуки. Правда, радость его была несколько омрачена тем, что не все смогли поехать, а тех, кому обстоятельства это позволяли, пришлось долго уговаривать принять такой роскошный подарок. Все-таки путевки недешевые, полный пансион, а бывшие одноклассники как на подбор оказались людьми совестливыми и гордыми.

– Да, нелегко быть богатым, – посочувствовала я неведомому Сереге.

– Конечно, мы же бедные, но гордые!

– Чего же согласились тогда?

– Да сначала не хотели соглашаться. А потом чего-то жалко стало Серого. Человек от чистого сердца предлагает, а все подвох какой-то ищут. Ну, он же не виноват, что смог денег заработать. Не солить же ему их теперь. Он и школу нашу

бывшую отремонтировал, компьютеры туда завез…

– Значит, ты на Серегины деньги здесь расслабляешься? – уточнила я еще разок, специально, чтобы посмотреть, как Димыч будет смущаться.

Он кивнул с виноватым видом. Не получится из него коррупционера – вон как стесняется.

Значит, восемнадцать русских туристов – это московский гость Серега с бывшими одноклассниками. Один из которых – капитан Захаров. Нет, не будет нам спокойной жизни, можно даже не рассчитывать.

– А с кем это ты сейчас ругался? – вспомнила я вдруг. – Чем не угодила тебе несчастная Курятова?

– Да ну ее! – Димыч швырнул окурок за борт и плюнул вслед. – Курица она! Ее муж привез на машине, а в багажнике у него две упаковки пива баночного было. Мы специально взяли, чтобы попить культурно после отплытия. А она забыла его забрать. Сама на борт впорхнула, а пиво наше так и уехало в багажнике. Всегда дурой была, да так ей и осталась – не берет человека время совсем.

– Тоже мне проблемы, – не поняла я захаровской печали.

– Для тебя, может, и не проблемы, а у нас отпуск может сорваться, если так дальше пойдет. Настроения уже никакого.

Смотреть на Димкины страдания не было мочи – так натурально он сокрушался. Опять же три года в отпуске не был человек, одичал на работе. Надо выручать, пока он совсем

мрачным не стал.

– Чего ты дурака валяешь? Идите в бар – там этого пива хоть залейся. Олигарх ваш бар оплачивает?

– Да неудобно как-то, – замялся Димыч, – только сели – и сразу в бар. Подумают, что мы алкоголики.

– Не подумают, – хихикнула я, – здесь к этому привыкли. Идите смело. Бар на средней палубе, в носовой части.

– А пойдем с нами, – предложил великодушный Захаров. – Выпьем чуток, я тебя с мужиками познакомлю.

– Ничего не получится. Мне в бар нельзя.

– Чего так?

– Обслуживающему персоналу в баре делать нечего. Порядки такие. Ты пока не в курсе, конечно. Я здесь как раз обслуживающий персонал. Я сюда официанткой устроилась на лето.

– Что за фигня? – искренне возмутился Димыч. – А как же равноправие?

– Равноправие у нас после работы. Так что захочешь меня увидеть, приходи сюда, на корму. Можем даже какое-нибудь тайное место придумать и записки в нем оставлять. Для пущего романтизма.

– Как Маша и Дубровский? – сразил меня эрудицией Димыч.

Надо же, чего он помнит из школьной программы! Никогда бы не подумала, что старший оперуполномоченный Захаров способен на такие литературные ассоциации. Может,

я его совсем не знаю? Может, он в душе тонкий и ранимый?

– Ты откуда про Дубровского знаешь?

– Да это Вадик. Дружок мой школьный. Он сплошными цитатами разговаривает. И как только помнит все? Мы с ним уже два дня общаемся – сначала тяжело было, а теперь втянулся. Даже вот помню кое-что про Дубровского и «Белое солнце пустыни». Вадик мужик классный, к нему только привыкнуть надо.

Мне захотелось посмотреть на уникального Вадика. Договорились, что после ужина Димыч приведет его на корму для официального представления. На том и расстались.

Глава 2

Светка Зотова готовилась ко второй, «русской», посадке, как к последней битве добра со злом. Только что в чистое не переоделась. Зато была непривычно тиха и задумчива, смотрела на всех тоскливым взглядом и даже забывала шипеть на своих девчонок, хотя было за что. Жанна, например, умудрилась притащить туристке, которая категорически не ест рыбу, салат с тунцом. В обычное время Светка незамедлительно сообщила бы дуре Жанне, кто она есть после этого. Ну, не совсем незамедлительно, конечно. Дотерпела бы до сервировочной, чтобы туристов не беспокоить. А сегодня промолчала. Долго извинялась перед туристкой с помощью Женечки-тихони, у которой немецкий не в пример лучше Светкиного, а про Жанну даже и не вспомнила.

Вообще туристы, не употребляющие те или иные продукты, – это отдельная головная боль. Зовутся они «специалитеты» и выявляются во время первого ужина на борту. Володин ходит с блокнотом от столика к столику и подробно расспрашивает каждого о симпатиях и антипатиях в мире продуктов. Самая ходовая антипатия – «но фиш». Противников рыбы в рационе почему-то больше всего. Иногда к рыбе добавляются еще и морепродукты. Почему иностранные граждане, известные своим бережным отношением к собственному здоровью, не хотят кушать страшно полезную рыбу, непо-

нятно. Может, не так уж они о здоровье заботятся, как мы привыкли думать? Вторая по многочисленности группа специалитетов – диабетики. Эти никакого недоумения не вызывают – не по своей воле люди от сахара отказываются. Хлопот с диабетиками, как правило, никаких, главное, не забывать, что на десерт, вместо мороженого и тортиков, приносить нужно фрукты. За диабетиками идут вегетарианцы. Эти совсем безобидные, если только какая-нибудь Жанна сдуру не брякнет перед ними тарелку с бифштексом.

Остальные специалитеты – это туристы с разнообразными аллергиями и пищевыми причудами. С последними труднее всего. Как только люди себя не ограничивают, просто диву даешься порой. Кто-то яйца куриные не ест, а перепелиные – за милую душу. Другой не ест фрукты и овощи красного цвета. А красную ягоду – запросто. В прошлом рейсе была у нас туристка, которая, судя по списку, предъявленному Володиным шеф-повару, не ела вообще ничего, кроме спаржи, креветок, пророщенных зерен, творога и артишоков. Как сказала тогда Зотова, искренне сочувствующая поварам: «С такими закидонами надо дома сидеть, зерна проращивать. А не в круизы ездить, не портить людям жизнь». Но выкрутились как-то. Молодцы у нас повара, особенно, если учитывать, что меню за одиннадцать дней круиза не должно повторяться ни разу.

Всех специалитетов, доставшихся нашей станции, Катя аккуратно выписала на отдельную бумажку и прицепила спи-

сок на стенке выдвижного ящика. Чтобы первое время подглядывать, пока не запомним. В этом рейсе нам повезло – только один вегетарианец в первую посадку, и во вторую двое диабетиков и человек с аллергией на алкоголь. Диабетики за пятнадцатым столом, аллергик – за восемнадцатым. Ничего сложного.

До начала второй посадки мы как раз успели заново накрыть столы и сбегать подбодрить Зотову, которая совсем что-то пала духом. Стояла, привалившись плечом к стене, и с кротким видом принимала соболезнования.

Я, как могла, попыталась ее утешить, рассказала, что за туристы ей достались – не самый худший вариант, если вспомнить про отремонтированную школу и тоску по родине. Даже за Димыча поручилась головой и пообещала провести посильную воспитательную работу. Ничего не помогало. Особенно испортило все слово «олигарх», которое я брякнула, рассказывая про одноклассника Серегу.

– Знаю я этих олигархов, – помрачнела Светка еще больше, – можешь не рассказывать. Нахлебаемся еще с меценатом, вот увидишь.

Долго утешать страдалицу никто не мог себе позволить – в ресторан уже потянулись туристы. Ладно, не съедят ее в самом деле. Вечером еще посочувствуем.

Диабетики наши оказались очень приятной пожилой парой из бывшей ГДР. Даже помнили кое-что из школьного курса русского языка, так что проблем с ними у нас точно не

будет. Что-то есть у нас общее – у людей из бывшего соцлагеря. Есть, что вспомнить.

Аллергиком оказалась крохотная бабулька, Марта Герцель. Мы ее еще со вчерашнего ужина запомнили. Этот восемнадцатый стол вообще очень колоритный подобрался. Кроме сухонькой Марты за ним оказалась дородная немка Анна Браух лет шестидесяти с личным секретарем лет тридцати. Или он личный переводчик? Мы толком не поняли ни статуса этого вертлявого паренька, ни какая в нем Анне особая надобность. Зато он оказался «бывший наш». Переехали они всей семьей в Германию лет десять назад, и с тех пор русский язык он не забыл, а в немецком здорово поднаторел. И даже не отказался помогать мне общаться с туристками за восемнадцатым столом, хоть и смотрел без особой приязни. А Анна с Мартой как-то сразу нашли общий язык, весь ужин оживленно о чем-то проговорили и ушли под ручку. Парочка эта выглядела на ходу довольно комично: степенная Анна плыла по коридору, величественно кивая головой с неестественно пышной прической, а сухонькая Марта, несмотря на более солидный возраст, забегала то с одной, то с другой стороны и трещала без умолку, размахивая изящными ручками.

– Анна унд Марта баден, – улыбаясь, сказала вчера Катя, глядя им вслед.

– Почему «баден»? – не поняла Карина. – При чем тут купание?

– Ни при чем. Просто ассоциация. Я еще со школы это

помню лучше всего: «Анна унд Марта баден…» А тут и Анна тебе, и Марта. И обе такие забавные.

А теперь оказывается, у нашей старушки-веселушки Марты аллергия на алкоголь. Не страшно, конечно – насильно у нас никто не поит. Надо только не забыть об этой ее особенности, когда дойдет до соусов с вином. Потому что, аллергия у крохотной швейцарки на любой алкоголь, любой крепости и любого качества. Ей даже глотка пива нельзя сделать. Бедолага! Марта по этому поводу совсем не переживает – ей и без алкоголя весело. Улыбается всем подряд и всем довольна. Чего не скажешь о переводчике Анны.

Парень этот мне совсем не понравился. Высокомерный он какой-то. И лицо такое, будто все его раздражает. Представился Алексом. А кем он был в России, Александром или Алексеем, уточнять не стал. Ну, Алекс так Алекс, нам без разницы. Он и по-русски разговаривает, как будто одолжение делает. А еще мне кажется, что очень его раздражает наша общительная Марта. Когда они с Анной начинают слишком активно общаться, Алекса этого прямо передергивает всего. Ревнует он, что ли?

– Девчонки, а вам не показалось, что Алекс ревнует свою Анну к Марте? – спросила я Катю и Карину после ужина.

– Показалось, – согласно кивнула головой все замечающая Карина. – Он прямо кривится весь, когда бабульки друг с другом разговаривают. Может, они любовники?

– Может, – безо всякого выражения согласилась Катя.

Это Карину совсем не устраивало. Ей хотелось долгого и обстоятельного разговора на заданную тему. А такие вот короткие ответы к разговорам совсем не располагали. Пришлось самой себе стать собеседницей. Карина начала задавать вопросы, и сама же на них отвечать, пытаясь втянуть нас с Катей в обсуждение:

– Вряд ли они любовники. Анна ему в матери годится. Нет, конечно, бывает и такое, не спорю. Но в этом случае не он бы Анну ревновал, а она его. Молодой любовник ведь может уйти в любой момент. А ей все равно, где он и чем занят. Вот честное слово, девочки, он ее раздражает. Она с Мартой болтает ему назло. А он терпит. Разве любовник стал бы терпеть такое отношение? Ни за что не стал бы.

– Стал бы как миленький, – прервала ее Катя. – Он молодой, конечно. Только небогатый. А у Анны денег полно.

Изумленная Карина замолчала на полуслове. Было, чему изумляться: мы как раз от нее узнаем все самые потрясающие новости. А тут обычно равнодушная к сплетням Катя демонстрирует неожиданную осведомленность.

– Откуда знаешь? – Карина даже вилки с ножами грохнула обратно в ящик, подалась вперед, замерла, вся обратившись в слух.

– От Насти с ресепшн. Она их расселяла, вот и обратила внимание.

По всему выходило, что Катя права. Фрау Браух занимает один из двух дорогущих люксов на верхней палубе – рос-

кошную трехкомнатную каюту с ванной и мягкими диванами по углам. А секретарь-переводчик Алекс Маутер живет на откидной полке в трехместной каюте на нижней палубе, которая по площади была меньше санузла в люксе. Да еще делить эту дешевую каюту ему приходится с двумя австрийскими студентами. Разница в финансовом положении налицо. Непонятно только, зачем Анне сдался этот парень? Для любовника слишком уж сурово она с ним обходится. Может, правда секретарь? Зачем он ей на отдыхе? Анна совсем не производит впечатление беспомощной женщины, нуждающейся в постоянной опеке. Скорее чрезмерная забота ее раздражает. Действительно, переводчик? Конечно, человек, в совершенстве владеющий русским языком, да еще и выходец из России, может здорово облегчить жизнь в путешествии. Если только путешествовать по бескрайним просторам ты собираешься самостоятельно. Но Анна Браух купила путевку на теплоход, где отдых организован от и до. Туристы поделены на группы с гидом-переводчиком во главе. Здесь можно вообще ни слова не знать по-русски. Все оплачено заранее, и услуги переводчика в том числе.

– Странная парочка, – сказала я вслух. – Друг друга стоят. Алекс этот – скользкий тип. И тетка с прибабахом. Зачем ей переводчик, если они везде с гидами ходят?

– Кстати, она на экскурсию по городу не ходила, – подлила масла в огонь Карина. – Они с этим Алексом вдвоем в город уходили. Самостоятельно.

– Ну вот, я же говорю, странные люди. Что они там увидели самостоятельно?

– Ничего они не смотрели, – прервала мои размышления Катя. – Они ездили деньги снимать в банке. У меня эта фрау Браух спрашивала, где у нас в городе отделение «Коммерц-банка» или где можно их банкомат найти поближе.

Становилось все интереснее. Причуды богатых людей, как ни крути, кажутся нам не просто проявлением скверного характера, а чем-то необычным и непременно логически обоснованным. Как будто богатые люди отличаются от других не только количеством доступных денег.

– У нее деньги закончились, что ли? – не поверила Карина. – Могла бы и карточкой тогда рассчитаться. И почему она в Москве деньги не сняла? Там это было бы гораздо проще.

– Может, не успела в Москве, – пожала плечами Катя. – Они там только полдня и были. Экскурсия из аэропорта в аэропорт. Ничего в ней нет такого странного, не выдумывайте. Обычная тетка. Только с деньгами.

– Конечно, обычная, – согласилась Карина с сарказмом. – Совсем обычная, только альфонса молодого зачем-то с собой таскает, а в остальном такая же, как все. Если не считать парика дурацкого.

Парик был последним Карининым аргументом. Выдохлась она на этом бессмысленном разговоре. Или до сих пор от проводов не отошла?

Парик у фрау Браух действительно имелся. И не один.

Вчера она поднялась на борт в коротком платиновом. В нем же и на завтраке была. А в обед явилась в несуразном рыжем парике. При ее внушительной комплекции эти огненные кудри, да еще в таком количестве, выглядели просто по-клоунски. Я бы такой парик носить не смогла. Не только из-за дикого цвета – многочисленные локоны спускались на лоб и щеки Анны. Как она это терпит? Вот уж действительно красота требует жертв. Хотя какая красота в этом постижерном недоразумении? Или это Анна ради молодого любовника так старается?

После ужина все разошлись на удивление быстро. Устали все за день, наплакались да и не выспались толком предыдущей ночью – какой уж сон, когда у тебя всего один день в родном городе. Так что вечером времени никто зря не тратил, быстренько убрали ресторан, накрыли столы к завтраку и побрели по каютам. Никаких тебе разговоров и хихиканий. Спать хочется. А я зачем-то с Димычем договорилась вечером встретиться, познакомиться с удивительным Вадиком, говорящим сплошными цитатами. Ладно, сбегаю на пять минут, а потом в каюту – и спать.

В сервировочной кроме меня осталась только Карина. Слонялась из угла в угол без дела и уходить не спешила.

– Кариш, ты чего спать не идешь?

– Да так… Сейчас пойду. – Голос неуверенный. Да и вид растерянный какой-то.

Что-то не так сегодня с нашей Кариной.

– Кариш, давай не крути. Случилось чего?

– Да там Витька. Возле выхода меня ждет.

Ничего не понимаю. Ну, Витька. Ну, ждет. Он ее почти каждый день ждет – любовь у него. Страсть и ревность – как бывает в двадцать лет. Раньше Карине такое проявление чувств нравилось.

– А почему идти не хочешь?

Карина помялась еще немного, а потом выпалила:

– Да надоел он мне! Видеть его больше не могу.

– Так может, сказать ему об этом? Все лучше, чем прятаться.

– А я говорила. Только он не понимает ничего. Он решил, что у меня кто-то другой есть. Следит теперь за каждым шагом. Я его боюсь.

Какая интересная у людей жизнь! Страсти кипят, ревность цветет махровым цветом, молоденькие дурочки боятся вчерашних любовников. Неужели и у меня в двадцать лет так было? Не помню.

– Карина, чего его бояться? Витька как Витька – обычный парень. Объясни ему все по-человечески, без нервов, и не выдумывай себе лишних проблем.

– Ага, объяснишь ему, как же! Он псих какой-то ненормальный. Вдруг он меня убьет от ревности? И зачем я только с ним связалась?

– Ну, псих – это вряд ли. Мы же все перед навигацией

комиссию проходили, психов среди нас точно нет. Просто молодой, горячий. Ну хочешь, я ему скажу, что тебя нет уже на работе?

– Скажи! – Карина вцепилась в мою руку тоненькими пальцами и заглянула в глаза. – Наташечка, спаси меня, а! Мне бы только до каюты добраться как-нибудь.

– Балда ты, Кариша! – я погладила ее по растрепавшейся голове. – Как тебя только мама сюда отпустила, такую дурёху?

– Так она и не хотела отпускать. Говорит, я несамостоятельная еще. А как же я самостоятельной стану, если все время дома буду сидеть? – Она уже счастливо улыбалась и смотрела на меня с надеждой. – Отвлеки Витьку, а?

Страдающий от ревности Витька топтался у служебного выхода из ресторана. Вид у него был грозный и решительный. Как это я буду его отвлекать, интересно? Его не отвлекать надо, а уводить отсюда, иначе у Карины нет никаких шансов проскочить незамеченной.

– Привет! – бросила я на ходу как можно непринужденней. Отошла еще на пару шагов и, обернувшись, спросила: – Ждешь кого-то?

– Жду, – подтвердил Витька с вызовом.

– Карину, что ли? Так ее нет уже. Ушла минут двадцать назад.

– Я здесь уже полчаса стою, – малолетний ревнивец сме-

рил меня презрительным взглядом. – Никуда она еще не уходила.

– Так она через главный вход ушла…

– Не парь мне мозги, – прервал меня Витька. – Не могла она уйти через главный вход. Вам через него нельзя ходить, мне Карина сама говорила. Там только туристы ходят.

Осведомленный какой паренек! Карина тоже хороша, болтает обо всем подряд не задумываясь. Конечно, в том, что официантки не входят в ресторан через главный вход, никакого секрета нет. Можно и рассказать, если больше говорить не о чем. Но как тогда Витьку отвлекать, если он в курсе всех наших правил?

– Витя, нам нельзя там ходить просто так. А если по делу, то можно. Карина как раз по делу и пошла. У нас туристка шарф забыла, вот она его и понесла на ресепшн. Это считается по делу. Тем более туристка может сама вспомнить про шарф и за ним вернуться. Тогда они встретятся. А представь, что Карина через черный ход пошла, а туристка за шарфом вернулась. Шарфа нет ни в ресторане, ни на ресепшн. Скандал может случиться.

Я врала вдохновенно – все равно терять уже нечего. Витька слушал меня с недоверием, но не прерывал. Когда я замолчала, посмотрел на меня долгим взглядом и поинтересовался, как мне показалось, с угрозой:

– А если я спрошу на ресепшн, приносила Карина шарф или нет?

– Да пожалуйста! Спрашивай на здоровье. Какой мне смысл врать?

– Да все вы тут заодно, – выкрикнул он с отчаянием и сжал кулаки. Потом решительно развернулся и зашагал в сторону главного фойе – наводить справки.

Я выдохнула с облегчением. Путь свободен, можно выпускать нашу ветреную болтушку. Да и самой надо бы делать ноги, пока Витька не вернулся. Я вспомнила, как он с хрустом сжал кулаки, и подумала, что Карина не так уж не права в своих опасениях – убить такими ручищами можно запросто.

Глава 3

Завтрак в нашем ресторане – шведский стол со свободной посадкой. Туристы приходят, когда хотят, и рассаживаются, где удобно. Со временем большинство и завтракает на той станции, к которой прикреплены. Привыкают к соседям да и к официанткам тоже. Но это случается уже к концу круиза. А в первые дни знакомых лиц среди завтракающих гостей почти не видно. Даже русская группа разбрелась по залу. Это я вчера Димыча и Вадима просветила. А то так бы и маячили они все у Зотовой перед глазами. Светка, кстати, успокоилась немного. Или просто смирилась со своей участью. Снова за Жанну взялась, воспитывает.

Зато Димыч явился к нам за двадцатый стол. Специально узнал вчера у меня, какие столики «наши», и не промахнулся. Заявил, что успел по мне соскучиться и вообще робеет в непривычной обстановке, поэтому решил держаться поближе ко мне.

Физиономия при этом у него была очень искренняя. Но меня не проведешь, я на эти уловки давно уже не попадаюсь. Димыч – тот еще артист, привык на своей оперативной работе втираться в доверие к людям. Катя с Кариной поверили его рассказам про неуверенность и робость, приняли как родного, терпеливо отвечают на многочисленные дурацкие вопросы и стыдят меня за то, что я от Димыча отмахи-

ваюсь. Тоже мне, дамский угодник! Он еще и не один пришел, привел с собой Вадима и Серегу-олигарха. Олигарх, вопреки Светкиным опасениям, оказался вполне приличным дядькой, приземистым, с коротким седым ежиком на голове, носом картошкой и значительным животиком, обтянутым майкой с эмблемой нашего теплохода. Майку эту он сразу по приезде купил в магазине сувениров и не снимал вот уже два дня. На фоне вовсю резвящихся Димыча и Вадима богатый и знаменитый Серега выглядит просто паинькой. С вопросами и уточнениями не пристает, всем доволен и за все подряд благодарит. Еще и по сотне на чай нам сунул, уходя. Да Зотова молиться должна на такого туриста.

До конца завтрака оставалось минут пятнадцать, ресторан уже почти опустел. Можно было идти за салфетками. Я вышла через служебный ход на главную палубу, прошла по коридору и стала спускаться в твиндек, в прачечную. Еще на лестнице услышала оживленную беседу прачки Марины с кем-то из стюардесс.

– Салфетки? Вон лежат, бери, – кивнула Марина на стопку отглаженных салфеток. – Только не все, а то сейчас пойдете друг за другом, и все орать начнут.

Я кивнула и отделила от стопки на глазок. Можно и уходить, но очень уж интересно послушать, чем это так взбудоражены Марина с незнакомой мне девчонкой. Не то чтобы я на сплетни очень падкая, просто событий у нас мало. Замкнутый коллектив, работа без выходных. Из развлечений –

только посиделки на корме, да сплетни.

– Представляешь! Старпом уже два раза сегодня прибегал. А с утра ваши девчонки к ней стучались. Бесполезно. И не отвечает, и не выходит – из каюты ни звука.

– Может, проспится еще, тогда и выйдет, – неуверенно предположила стюардесса с именем «Masha» на бэйджике.

– Ха! – картинно подбоченилась Марина. – Проспится она, как же. Дня через два, в лучшем случае. А нужна сегодня в пять часов. Настюшка с ресепшн прибегала, чуть не плачет – у нее две туристки записались на сегодня. Извиняться-то Насте придется. Да и вообще в солидных компаниях такого быть не должно.

– Марина, что случилось? – подала я голос от салфеток.

Маринка – золотой человек – нисколько не возмутилась тем, что я влезаю в разговоры, не со мной начатые, и охотно пояснила:

– У Михалны нашей, парикмахерши, запой. Закрылась в каюте и не отзывается. А на сегодня к ней туристы записаны.

Я уставилась на Марину, забыв про салфетки. Сказанное ей просто не могло быть правдой. Слово «запой» никак не могло иметь отношение к нашему лощеному теплоходу. «Михаил Зощенко» – это мало того, что флагман нашего местного флота, так еще и один из лучших туристических теплоходов, арендуемых в России швейцарцами. Какой может быть запой, когда у нас все по высшему разряду?

– Марина, этого не может быть! Ей, наверно, с сердцем

плохо. Не может быть, чтобы запой.

Марина с неизвестной мне пока Машей посмотрели на меня, как на дурочку.

– Ты новенькая, что ли? Первый год у нас? Тогда понятно. Не переживай, никакого приступа у нее нет. Проспится и выйдет.

Я влетела в опустевший уже ресторан, распираемая потрясающей новостью. Первой мне попалась Катя. Выслушала она меня без интереса и небрежно махнула рукой.

– Тоже мне новость. Парикмахерша в своем репертуаре. Я удивляюсь, как она в этом году продержалась так долго.

– Так она что же, каждый год в запой уходит?

– И не по одному разу. Она алкоголичка, тут уж ничего не поделаешь. Пока держится, все нормально, работает она неплохо. А как сорвется – хоть караул кричи. По несколько дней до нее достучаться не могут. Перед туристами извиняются, врут, что мастер заболела. Позорище!

Мы переглянулись с подошедшей Кариной и почти одновременно поинтересовались:

– А зачем же ее на работу берут, если все в курсе, что она алкоголичка?

– Загадка, – развела руками Катя. – У нее кто-то в пароходстве работает, вот и устраивает каждый год.

– Да швейцарцам должно пофиг быть на ее кого-то из пароходства! Как они допускают? – не унималась пораженная Карина.

Катя вздохнула и объяснила нам, наивным, как происходит набор персонала на «Михаил Зощенко». Швейцарцам этим заниматься недосуг, они у пароходства теплоход арендуют и ему же поручают набрать необходимых работников. Ну, не могут они проверять каждую прачку и официантку. А у пароходства свое агентство есть, вот оно и выбирает из многих претендентов самых достойных. Или тех, за кого есть кому словечко замолвить.

– Как, вы думаете, наша Жанна сюда попала? По конкурсу, что ли? Как бы не так! Жанночка у нас из блатных – папа у нее с кем-то из руководства близко знаком, а дочурка захотела на модном пароходе прокатиться, да еще и денежек получить немножко на косметику. Вот и развлекается. Она же не знала, что тут пахать надо. Если бы кто из нас, по конкурсу набранных, такие фортеля выкидывал, нас после первого же круиза на берег бы ссадили. Прямо там, за Полярным кругом. До дома на свои добирались бы. А Жанну не ссадят, она всем еще нервы потреплет. Спасибо хоть Нечипорук ее с одной станции на другую перекидывает, дает отдохнуть от такого ценного кадра.

– Но ведь из-за этого дело страдает, – не унималась правдолюбица Карина.

– Страдает, – согласилась Катя, – но изменить все равно ничего нельзя. Не в этой жизни. Так и будем и за Жанну вкалывать, и парикмахершу от туристов прятать.

Карина еще порывалась что-то сказать, но Катя велела

не тратить время на разговоры, а убирать поскорее и столы к обеду сервировать. Мы и убирали какое-то время молча. А потом Карина вспомнила:

– Ой, Наташка! Ты же не видела ничего. Наша фрау Браух с альфонсом своим поссорилась из-за Марты. Прямо настоящий скандал был.

Катя, услышав это, поморщилась, но не остановила. В результате я услышала захватывающую дух от подробностей историю о том, как Алекс сказал-таки что-то едкое Марте, кажется, назвал ее навязчивой старухой – Карина тогда еще в разговор не вслушивалась, поэтому смогла передать только общий смысл Алексовых претензий. Марта от обиды и неожиданности даже заплакала, девчонки не сразу сообразили, что делать, и с утешениями немного запоздали. Зато Анна Браух отреагировала мгновенно, как будто только и ждала, когда же ее драгоценный Алекс сорвется. Немка поднялась над столом во весь рост, расправила плечи и с достоинством английской королевы посоветовала герру Маутеру держать свои мнения при себе и не пытаться подбирать ей, Анне, компанию по своему вкусу. После чего, подхватив под руку всхлипывающую Марту, покинула ресторан, оставив Алекса, по образному выражению Карины, «обтекать». Сцена была поистине безобразной, а свидетелей, как назло, много. Так что Алекс покинул ресторан злющий, как волк. Еще и на Карину наорал, что кофе холодный.

– Он бы поменьше в чужие отношения лез, так и кофе бы

не успел остыть, – весело пояснила ничуть не расстроившаяся Карина. – Анна молодец! Может, теперь она его совсем прогонит?

– Куда? – меланхолично поинтересовалась Катя. – Некуда его прогонять. Не на берег же ссаживать. Если не помирятся, наблюдать нам эти страсти еще неделю с лишним.

Глава 4

Мы сидели с Димычем на корме и занимались каждый своим делом: он курил, а я поедала уже второй кусок торта, принесенного мне галантным Вадимом из бара. Сам Вадим ушел за пивом для себя и Захарова, дав нам возможность пообсуждать всласть его необыкновенную личность. Я, правда, особой необыкновенности заметить не успела. Я вообще не очень восхищаюсь щуплыми мужчинами. Сама-то я девица высокая и не особенно хрупкая, поэтому субтильные мужчины подростковой комплекции вызывают у меня исключительно материнские чувства, смешанные с недоумением: как же, мол, так вышло, что этот юноша ухитрился застопориться в своем физическом развитии? Нет ли тут какого подвоха и нарушения законов природы? А расхваленный мне предварительно Вадим был как раз таким мужчиной – невысокий, худой, с невыразительным, но очень подвижным лицом. Руки только были удивительные. Сухие кисти очень красивой формы двигались почти непрестанно. И движения эти завораживали, заставляли наблюдать, не отрываясь, как переплетаются лозой длинные пальцы, сжимается закрытой раковиной кулак, чтобы в следующий миг, раскрывшись, вспорхнуть бесшумным бабочкиным крылом вверх. К совершенно не запоминающемуся лицу.

– Он музыкант?

Димыч помахал отрицательно головой, чем несказанно меня удивил. Никаких других занятий для обладателя таких необыкновенных рук я придумать не могла. Вот разве только…

– Может, он гипнотизер? У него вполне бы получилось.

– Да нет, не гипнотизер. С чего ты взяла? Он доктор. На «скорой помощи» работает.

– Врач? – вот уж чего я никак не ожидала. – Совсем не похож.

– Может, и не похож, – согласился Димыч, – только доктор он хороший. Жалостливый. И грамотный, между прочим. Он в райцентре живет, в Звягино. Там доктора на «скорой» – универсалы. На все руки мастера. И на наркоманов выезжают, и на психов, и к бабушкам с давлением. Так что Вадик один целой больницы стоит. А он еще неугомонный такой, никогда не скрывает, что доктор. Как что случится, первый лезет, помогает. У него даже чемоданчик такой есть специальный, он его везде с собой возит, если из Звягина своего выезжает. На дачу, на рыбалку – везде с этим своим докторским саквояжем таскается. Даже сюда его взял. Положил в каюте на видное место, мне показал, где лежит. На всякий случай.

– Напрасные старания, – прервала я гордого за друга Захарова. – На теплоходе свой медпункт есть, оборудованный как надо. И врач имеется. Так что Вадик твой может отдыхать спокойно и про чемоданчик свой забыть до конца кру-

иза.

– Хорошо, что медпункт есть. Только Вадьку не переделаешь. Он все равно по жизни доктор.

– А кстати, что у него там в чемоданчике? Йод и зеленка?

– Обижаешь! У него там все по-взрослому. И таблетки, и шприцы, и этот, как его, шовный материал. И даже для местной анестезии чего-то есть. Он однажды на рыбалке парню одному ногу зашивал. Прямо на берегу. Так что, если случится чего, беги к Вадику, не пожалеешь.

Я хмыкнула недоверчиво, но спорить с Димычем не стала.

А через пару часов получила возможность убедиться в его правоте.

Обед получился какой-то суматошный. Сначала Леша-бармен огорошил нас известием, что минералки у него осталось только четыре бутылочки, а поднять со склада он не успел, поэтому пусть туристы минералку не заказывают. Хорошенькое дело! Как мы, интересно, должны внушить гостям пожелания нашего безалаберного бармена?

Володину мы, конечно, нажаловались, да только толку от этого было немного. Он метался по сервировочной и обещал Леше всяческие кары, а нам – очередное ужесточение трудовой дисциплины. Только минералка от этого не появлялась.

На наше счастье пришел Нечипорук, оценил обстановку и убежал на склад лично. Мы злорадно посочувствовали Сереге, получившему истеричного дурака в заместители, и по-

шли по местам. Надо ли говорить, что минералка, по закону подлости, была настоящим хитом сегодняшнего обеда. Ее заказывали почти все, как сговорившись. Но на этом недоразумения не закончились. Правда, следующие неприятные события были нами вполне ожидаемы – в каждом круизе такое происходит. На обед сегодня подавали лосося, и конечно же несколько человек заявили, что рыбу не едят. Где они были раньше, почему не признались в своей нелюбви к рыбным блюдам, когда об этом специально спрашивали? Объяснений нет. Хорошо, случаются такие вот казусы постоянно, с каждой новой группой туристов, и повара к этому привыкли – готовят на всякий случай пару десятков мясных порций.

В общем, набегались мы с нашей первой посадкой, перенервничали и думали, что ничего уже нас не удивит и не испугает.

По закону подлости, во вторую посадку минералку заказывали очень мало. Леша, которому ее увеличенные запасы мешали передвигаться на рабочем месте, тихонько ворчал себе под нос и вслух подозревал нас в гнусном заговоре. И даже требовал, чтобы мы чуть ли не насильно поили всех минералкой, раз ее натащили со склада на две недели вперед. Но вместо этого заказывали все что угодно: соки, пиво, красное и белое вино, даже зеленый чай со льдом. А чертовой минералки ушло совсем немного, бутылок шесть. Даже те, кто обычно на нее соглашался, вроде нашего секретаря-альфонса Алекса, сегодня предпочли что-то другое. Вид-

но, небо на Лешу разозлилось за что-то.

Я как раз шла от бара с очередным подносом, уставленным запотевшими бокалами, когда с нашей станции раздался пронзительный женский визг. Я замерла на секунду, не зная, как теперь быть с подносом, ведь бежать с ним не получится, а случилось, судя по всему, что-то нерядовое. В этот момент к одиночному визгу присоединились и другие голоса. Времени на размышления не оставалось, поэтому я брякнула поднос на первую станцию, прямо перед удивленной Жанной, и припустила бегом, совсем забыв, что бегать по ресторану не солидно. Следом за мной сорвались Димыч с Вадимом.

С трудом протолкавшись сквозь сгрудившихся иностранцев, я пробралась к эпицентру событий и чуть было не присоединилась к визжащему хору. Эпицентром был наш любимый восемнадцатый стол. Анна, прижав руки к груди, визжала в совершенно неожиданном для ее комплекции звуковом диапазоне. Это ее я услышала первой. Алекс сидел абсолютно белый, как завороженный смотрел на место, которое занимала Марта. А Марта…

Марты не было. Вместо нее на стуле хрипело и кашляло настоящее чудовище. Оно хваталось за горло сухонькими Мартиными ручками и тщетно пыталось вдохнуть хоть немного воздуха. Лицо, совершенно безглазое из-за отечных век, больше всего напоминало воздушный шарик – гладкий, почти ровный, без всяких подробностей. Только губы –

огромные, вывернутые – сохраняли едва различимые следы малиновой Мартиной помады.

В следующую секунду я отлетела в сторону, толкнув Дитера – того самого бывшего гэдээровца, занимавшего с женой пятнадцатый стол. Это Вадик, коротко бросив: «Чемодан!» – пробрался к задыхающейся Марте. Визг и гомон потихоньку стали стихать – все пытались разглядеть, что же делает Вадим с несчастной швейцаркой.

А посмотреть было на что! Правда, Вадим, даром, что худой, заслонил Марту от любопытных глаз почти полностью. Так что наблюдателям приходилось тянуть шеи.

Одной рукой он прижимал к себе бьющуюся Марту, что-то шепча ей на ушко. Другой подхватил принесенный Димычем чемоданчик, грохнул его на стол, сдвинув бесцеремонно вилки и ножи, открыл, вытащил, не глядя, резиновый жгут, шприц, какие-то ампулы в упаковке.

– Не знаете, аллергия у нее на что-нибудь есть? – поинтересовался он у присутствующих.

– Есть. На алкоголь.

Марта затихла, слышно было, как она пытается безуспешно впустить в легкие хоть немного воздуха. Она уже не кашляла, и мне даже показалось, что и вдыхать пытается все реже.

Вадим, перехвативший руку Марты жгутом, нашел глазами Димыча и махнул ему головой.

– Жгут подержи, – велел он, выплюнув снятый зубами

пластиковый колпачок с иглы.

Димыч вцепился своей лапищей в жгут. Все как завороженные смотрели на тонкие руки со шприцем. Они обнимали несчастную швейцарку, гладили по плечу, легко и незаметно отломился носик ампулы, как бы между делом ее содержимое набралось в шприц. Плавным движением Вадим ввел иглу в вену, плавно нажимал на поршень. А сам все шептал что-то, шептал, заслонял Марту от любопытных глаз…

Прибежала бледная Катя с запыхавшейся Людмилой Ивановной, корабельной врачихой. Марта уже дышала тихонько, как будто не верила, что может это делать.

– Здравствуйте, коллега! – изобразил радость Вадим. – У вас в медпункте кушеточка найдется? И штативчик для капельницы? Чудненько! Тогда мы идем к вам!

Людмила Ивановна с ужасом разглядывала Марту и на приветствия не отвечала. Только кивала головой. Руки у нее тряслись.

– Понесли, – кивнул Вадик расслабившемуся было Димычу.

Тот подхватил Марту на руки и зашагал на выход. Вадим подхватил под локоть стоящую столбом врачиху и поинтересовался уже без улыбок и любезностей:

– Что стоим? Кого ждем? Медпункт кто открывать будет?

Врачиха, очнувшись, засеменила по проходу за удаляющимся Захаровым. Вадим захлопнул чемоданчик и, подмиг-

нув нам с Кариной, попросил:

– Девчонки, оставьте пожрать чего-нибудь. А то, боюсь, не успеем вернуться.

Кое-как рассадили по местам встревоженных туристов. Как сказала Светка Зотова, прибегавшая «поболеть за своих»: «Война войной, а обед по расписанию!». Она, кстати, заметно гордилась Вадимом и пообещала оставить им хоть по две порции.

Восемнадцатый стол стоял разоренный, как дом после срочной эвакуации. От сервировки нашей не осталось и следа: приборы валялись как попало, край скатерти смят, рядом со стаканами – пустая ампула и шприц. Анна тихонько плакала на своем месте, всхлипывала, комкала в руке мокрый насквозь платочек. Выглядела она сейчас такой несчастной, что хотелось жалеть ее даже больше, чем Марту. Ту сейчас героический Вадим спасает с Димычем на подхвате, а Анна всхлипывает совсем одна в уголке, перепугалась до смерти, и никто ее даже не думает утешать. Все стараются даже не смотреть лишний раз на восемнадцатый стол. Не хочется никому вспоминать ни как мучилась Марта, ни как смотрели на это с жадным любопытством.

Я подошла и погладила Анну по плечу. Плевать на правила. Люди мы все-таки, хоть и на работе. Анна схватила меня за руку и благодарно прижалась к ней щекой. Алекс крутил в руках вилку. Он даже головы в нашу сторону не повернул. Никакие они не любовники, догадалась я. Даже если Алекс

крутится вокруг фрау Браух исключительно из-за денег, это он, а не я, сейчас должен был гладить ее по плечу. Если их хоть что-то связывает, он должен был сочувствовать и утешать, хоть искренне, хоть за деньги. А он сидит как истукан. Нет, ясно, что он тоже испугался. Но все-таки такое безразличие трудно объяснить.

Алекс, глядя перед собой пустыми глазами, достал из внутреннего кармана пиджака плоскую фляжку, отхлебнул из нее, слегка скривившись, запил соком. Одним большим глотком. Я машинально подумала, что зря он не заказал сегодня пиво, как обычно. Все равно здорового образа жизни не получилось – сидит теперь, хлебает тайком.

Я поправила приборы, убрала со стола шприц и ампулу, захватила заодно и стакан Марты – допивать его она вряд ли будет, а Анне лишние воспоминания. Пусть успокоится, а то придется обеих в медпункт укладывать.

Стакан с малиновым помадным отпечатком поставила пока на станции, в шкаф. А то мало ли что. Вдруг наша Марта окажется скупердяйкой и потребует свой сок на ужин. Всякое бывает.

Обед сегодняшний закончился быстрее обычного. Все как будто торопились поскорее уйти – ели сосредоточенно, друг с другом почти не разговаривали, по сторонам не смотрели. Думаю, если бы дело происходило не на теплоходе, уже завтра половины туристов мы бы недосчитались. Сбежали бы от нас особо впечатлительные гости. А так им деваться некуда,

до ближайшего аэропорта минимум два дня по реке. Да еще страшная Сибирь вокруг, да тайга по берегам уже началась, человеческое жилье попадается на глаза не так часто. Вот и терпят, бедолаги, только в сторону восемнадцатого стола стараются не смотреть.

Димыч вернулся минут через двадцать, когда большинство туристов уже разошлось.

– На что у нее аллергия? – мрачно поинтересовался он.

– На алкоголь, – прошелестела еле слышно растерянная Карина.

– Так а чего же она пьет тогда? – изумился Димыч. – Или она не знала?

– Знала. Она сама нам про свою аллергию и сказала.

Захаров обвел нас недобрым взглядом и сообщил:

– Фигня получается, девочки. Вадик говорит, что это аллергическая реакция такая. Сама бабулька про свою аллергию знает, значит, добровольно выпить ничего не могла. Не самоубийца же она. Кто-то подпоил старушку.

Мы растерянно переглянулись.

– Что она пила вообще?

Я принесла Мартин стакан и поставила перед Димычем. Он повертел его в руках, понюхал содержимое, посмотрел зачем-то на свет и вдруг сделал пару глотков. Замерли все четверо: Димыч прислушивался к своим ощущениям, а мы присматривались к бесстрашному оперу. Вдруг он тоже начнет пухнуть на глазах? Мне даже показалось, что Катя на вся-

кий случай стала перемещаться к выходу, чтобы быстрей добежать до медпункта, если понадобится.

Бежать не понадобилось, Захаров и не думал пухнуть. Он сделал еще один глоток и сообщил:

– Это не сок. Это «Отвертка» настоящая. В этом вашем соке водки до черта. Где она взяла этот стакан?

– В баре. Мы из бара ресторанного напитки приносим. Они заказывают, мы приносим, – Катя забрала стакан и поставила на стол.

– Этот стакан кто из вас приносил?

Напитки на восемнадцатый стол приносила я. Пиво для Анны и два апельсиновых сока – для Марты и Алекса.

* * *

Володин орал самозабвенно. Всю душу вкладывал в воспитательную работу. Даже жалко, что столько энергии тратится впустую – не слушает его никто. Когда он первый раз завелся, месяц назад, слушали с интересом. Даже те, кто Володина знает сто лет, открыли для себя много нового. Прошлые годы Андрюша простым барменом был, а тут вдруг оказался в метрдотелях. Карьерный рост налицо. Правда, нашлись злые языки, утверждавшие, что не обошлось тут без интриг и наушничества. И даже истории рассказывали, леденящие кровь, о том, как Володин зачастил в гости к кадровичке незадолго до навигации. И как грязью поливал ос-

новную конкурентку – Лизу Федотову, которой место мэтра было твердо обещано еще в прошлом году. Сама Лиза узнала об этом слишком поздно, когда Володина уже назначили. Работать в ресторане Федотова отказалась наотрез, и Нечипорук поставил ее в бар. Чтобы они поменьше встречались. Правда, авторитета Володину это не добавило. Все «старички» были в курсе этой некрасивой истории и сочувствовали Лизе. А кто раньше с ней не работал, тоже сочувствовал, наслушавшись Карины, которая жила с Федотовой в одной каюте.

Тяжело приходилось с нами Володину.

Сегодня он орал не просто так, а по поводу. Не каждый день у нас специалитеты страдают от невнимательности персонала. Досталось всем: и мне, приносившей заказ из бара, и Кате, распустившей подчиненных, и Карине – за компанию. Катя пыталась сначала напомнить, что никакой невнимательности с нашей стороны не было, никто Марте алкоголь не предлагал, и уж тем более водку в сок тайком не подливал. Только бесполезно что-то объяснять человеку, который слушать тебя не собирается. Катя и замолчала. Смотрела прямо перед собой. Потом вдруг вздрогнула, посмотрела вокруг испуганно. Заметив мой вопросительный взгляд, замотала головой, мол, все нормально, не беспокойся.

А мне, если честно, было страшно. Мутило меня от страха и хотелось лечь и свернуться калачиком. А Володин пусть орет на здоровье, мне он не мешает. Мне холодок в затылке

мешает. Он появился, как только Димыч спросил, кто Марте сок принес. А это я принесла. И как только об этом вспомнила, так сразу этот холодок и появился. Я уже всю картину восстановила, прямо по шагам: как заказ приняла, как в бар пошла, как Леша сок наливал и у него на втором стакане пакет закончился. Леша другой пакет вскрыл и долил стакан. Может, в этом другом пакете и было спиртное? Может, на заводах теперь водку в пакеты разливают и по цене сока продают? Ведь не доливал Леша ничего в стакан. И я не доливала, пока несла. А потом перед Мартой поставила, и она сразу отхлебнула, сказала, что жарко сегодня очень и пить хочется. И Алекс из своего стакана тоже отхлебнул. Может, тот стакан, в который Леша из разных пакетов наливал, вообще Алексу достался.

Но когда Марта из стакана отпила, она же должна была почувствовать вкус алкоголя. Димыч вот сразу определил, что в стакане кроме сока еще и водка есть. А Марта не заметила ничего. Отпила, стакан поставила и смеялась еще, с Анной болтала. Потом снова свой сок пила – когда все случилось, стакан уже полупустой был – и опять ничего не замечала. А потом вдруг… Откуда же там водка взялась? Холодок в затылке не исчезал. Противно, глаза хочется зажмурить покрепче. А зажмуришь – сразу Марта с распухшим лицом хрипит и бьется у Вадима в руках. И начинаешь сомневаться, так ли все было, как помнишь. Может, галлюцинации все-таки? Может, второй пакет и не с соком был, а с

вином? Откуда у нас в баре дешевое вино в пакетах? Да и не с вином тот сок был, а с водкой – уж в этом-то Димыч эксперт. Откуда взялась эта чертова водка в стакане? И как Марта ее не замечала? Ведь полстакана выпила – и не замечала ничего. А может, водки там сразу и не было? А потом появилась, Марта сделала глоток и сразу… Надо у Вадима спросить, может так быть, чтобы сделать глоток, и сразу… или у Марты со вкусом что-то, и она не подозревала, что алкоголь пьет, пока он не подействовал так страшно?

– Ты чего зависла? – Катя уже минуты две наблюдала, как я перекладываю с места на место ножи и вилки.

– Откуда там водка могла взяться, Кать? Я ведь точно помню, что не приносила ничего такого.

– Не знаю, – пожала она плечами. – Может, стаканы перепутали?

– Как ты себе это представляешь? Стаканы перепутали! Как их можно перепутать? Стоят они друг от друга далеко. Да и невозможно это – чужой стакан схватить. У Марты вон весь стакан в помаде. Что же, Алекс не заметил ее, что ли? Яркая такая помада, малиновая. Да он бы рожу скривил и ни за что стакан с помадой не взял бы.

– Да, стакан у Марты в помаде был, – Катя согласно кивнула головой и вдруг снова замерла, будто прислушиваясь к чему-то. – Нет, не может быть. Так не бывает…

Она тряхнула головой, будто отгоняя дурные мысли или пытаясь проснуться. И еще раз произнесла, глядя прямо на

меня, четко произнося каждое слово:

– Этого не может быть.

Мне почему-то показалось, что она это не мне говорит, а себе самой. Себя пытается убедить, что этого быть не может. Я и без нее знаю, что невозможно было перепутать стаканы. И невозможно было принести из бара водку вместо сока. Этого не могло быть. Но это случилось. Откуда-то появилась в стакане эта проклятая водка, и Марта теперь лежит в медпункте под капельницей, и неизвестно, что было бы, не подоспей вовремя Вадик – врач звягинской «скорой».

– Слушай, а этот твой Димыч – он кто? Он так настойчиво всем интересовался.

– Да это он по привычке, не обращай внимания. Он в милиции работает. Оперативником в убойном отделе. Привык свидетелей опрашивать, вот и сует нос во все подряд.

– Так, может, он и разберется, откуда в стакане водка взялась?

* * *

– Я в отпуске, – мрачно напомнил Димыч, – я отдыхать хочу. И фигней заниматься у меня нет никакого желания. И расследовать там нечего, – опередил он мои увещевания. – Нечего! Несчастный случай это. Перепутали случайно стаканы. Случайно, понимаешь? Без всякого злого умысла. Бабульке просто не повезло.

– А откуда водка взялась? – не сдавалась я. – Не было водки на столе.

– Ну, может, этот переводчик сам себе подлил – хотел коктейль пить, а не просто сок. А потом бабка его стакан схватила.

– А водку он где взял? – я уже теряла терпение.

Что за человек такой ленивый! Любые отмазки годятся, только чтобы не помогать!

– С собой принес, – заорал Димыч в ответ. – Чего ты пристала ко мне со своей водкой? С собой принес и под столом налил. Он же бывший наш? Тогда точно умеет водочку под столом разливать. Мы вот в институте когда учились, ходили в одну пельменную…

Нет, это бесполезно. Если Захаров уперся, его уже ничем не уговоришь. Интересно, на работе он так же от расследований увиливает? Тогда понятно, почему у нас так плохо убийства раскрываются. Я сделала последнюю попытку использовать его навыки на благо общества:

– Дим, но ведь этого просто не может быть.

– Чего не может быть? – опешил Димыч. – Так все и было раньше: покупаешь компот какой-нибудь и под столом тихонько булькаешь в него…

– Да при чем тут компот? Не может быть, чтобы совершенно посторонние друг другу люди вдруг взяли и перепутали стаканы. Ну не бывает так в природе.

– Да в природе много чего не бывает. Но случается сплошь

и рядом. Вот взять хоть нас с тобой. Любой тебе скажет, что не может такого быть, чтобы мы встретились неожиданно на дорогом теплоходе. Ну не бывает таких совпадений. Ты, кстати, как здесь оказалась? Из журнала своего, что ли, уволилась?

– Да нет, не уволилась. Это я тоже как бы в отпуске. На лето сюда устроилась.

– На фига? – искренне удивился Димыч. – У тебя же есть работа. Летом отдыхать надо. Или в том смысле, что лучший отдых – это смена вида деятельности?

– Вроде того, – я не стала вдаваться в объяснения, чтобы не дать ему увести разговор в другое русло.

Было ясно, что помогать нам Захаров не собирается. Отпуск у него, видите ли.

А может, он прав, и ничего подозрительного в сегодняшнем происшествии нет? Просто несчастный случай. А мы с Катей накрутили себя, вот нам все подозрительным и кажется. Алекс действительно мог подлить водки в стакан. Но только в свой. А Марта, заболтавшись, схватила, не глядя. Ей просто не повезло.

Глава 5

Явление парикмахерши народу произошло буднично и незаметно. Оно конечно, происшествие с туристкой в ресторане захватывает сильнее. Эффекта больше, да и скандалом попахивает. После этого никакие традиционные запои никого уже не трогают.

Поэтому, когда Михална, покачиваясь, зашла в столовую для команды и остановилась у двери, обводя присутствующих мутным взглядом, никто и внимания не обратил. Кроме меня. Мне как раз хотелось новых впечатлений. Разговоры про то, как в ресторане с туристкой приступ случился и она чуть не померла на руках у дур-официанток, у меня уже поперек горла стоят. Кое-кто даже пытался нас с Кариной расспрашивать, хорошо, Светка Зотова рядом оказалась, сказала любопытным пару ласковых, те и отстали. Иногда от Светкиного языка бывает ощутимая польза.

Чего я вообще сюда пришла? Есть все равно не хочется – тошно и муторно от мыслей. Хотелось отвлечься. Среди людей побыть, потому что в каюте тоже тошно и муторно. И стыдно самой себе признаваться, что не за Марту я уже переживаю, а за себя, вернее, за свое дальнейшее здесь пребывание. Уволит меня Володин, к гадалке не ходи. Ему ведь надо кого-то виноватым сделать, а напитки я приносила, значит, с меня и спрос. Хорошо хоть, далеко от города отойти

не успели – завтра Савельевск, город не маленький, даже автовокзал есть и гостиница. Вот там меня и ссадят на берег. Туристы пойдут в монастырь на экскурсию, а я на автовокзал поплетусь, узнавать, когда автобус ближайший. И радоваться еще буду, что ссадили меня в Савельевске с его автовокзалом, а не через неделю где-нибудь на заимке. Или у домика бакенщика, к примеру. Ждала бы я там попутного транспорта до осени.

В том, что Володин обязательно от меня избавится, я не сомневалась. И хоть виноватой себя не чувствовала, все равно стыдно было. Как будто печать на мне какая-то. Как будто на выбраковку меня отправляют, и все это видят, но не жалеет никто, и никто не заступится – все рады, что не их, а меня на выбраковку. Чушь какая-то в голову лезет. «Выбраковка» какая-то, «никто не заступится». Строю из себя несчастную, хочется, чтобы пожалел кто-то. А чего меня жалеть? Просто не повезло, что мне досталось напитки на этот чертов восемнадцатый стол нести. Досталось бы Карине – ее бы завтра ссадили. Или Катю, хотя вряд ли – Катя официантка с опытом, ее бы оставили, такие работники ценятся. Но напитки на восемнадцатый стол приносила я, поэтому и увольнять будут меня. Мне просто сегодня не повезло. Как Марте…

Я ковыряла вилкой котлету и жалела себя изо всех сил. И очень хотела, чтобы случилось еще что-то незаурядное. Чтобы отвлечься самой и переключить внимание окружаю-

щих, раз уж все равно ничего поделать нельзя. И случилось. Михална зашла, покачиваясь, в столовую и остановилась у двери, обводя присутствующих мутным взглядом. Я уставилась на нее, наплевав на приличия. Меня завтра все равно ссадят, мы с парикмахершей больше не увидимся, можно и невоспитанной побыть немного. Пропади все пропадом! Проснулось во мне какое-то детское беспардонное любопытство – очень хотелось подробно рассмотреть, как выглядит женщина после двухдневного запоя.

Неважно выглядит. Полная, невыразительная от природы Михална после двухдневного добровольного заточения в каюте приобрела одутловатость и красные от лопнувших капилляров глаза. Она походила сейчас на разбуженную раньше времени медведицу. Только не в умилительно-плюшевой ипостаси, когда жалеешь бедное животное, вынужденное таращиться на яркий солнечный свет, а в первозданно-животном, хищном смысле. Опасностью от нее веяло, и от этого хотелось смотреть еще и еще, замирая от страха и брезгливости. Пьяная женщина – зрелище не для слабонервных.

Я сглотнула, пытаясь избавиться от тошнотворного комка в горле, и подумала, что Михалну вот никто на берег не ссадит, хоть она и вовсе из запоя не вылезай. Так и будут катать туда-сюда по реке, пока навигация не закончится. За нее есть, кому словечко замолвить. Снова стало себя жалко. Прямо до слез, до сиротских подвываний. Отвлеклась, называется.

Парикмахерша постояла еще пару минут у двери мутной, неопрятной кучей, шумно вздохнула и вышла, пятясь, в коридор. Пока дверь за ней не закрылась окончательно, слышны были ее шаркающие шаги и тяжелые вздохи. А в столовой осталось легкое облачко перегара. Даже слишком легкое для двух-то дней. Или я просто совсем не разбираюсь в запоях?

В ресторан я пришла, полностью готовая к увольнению. Сто раз прокрутила в голове предстоящую неприятную сцену, двадцать раз себя пожалела, хорошенько подумала, как же я буду добираться до дома и заодно как буду объяснять на работе, почему вышла из отпуска раньше на полтора месяца. Скажу, соскучилась. Валера, мой начальник и по совместительству хороший знакомый, должен быть несказанно рад такому трудовому порыву. Он меня и отпускать-то не хотел на все лето, но я, загоревшаяся идеей заработать за лето сверхплановых деньжат в твердой валюте, его уговорила, упирая главным образом на необходимость отдыхать от постоянной работы хотя бы время от времени. А то, мол, не смогу плодотворно трудиться следующие три года. Валера, человек мягкий и внушаемый, как обычно, поддался на уговоры и отпустил. Может, и пожалел потом об этом, не знаю. Я на работе не появляюсь, даже когда теплоход в городе стоит. Отпуск так отпуск, а то заскочишь на минутку – и окажется, что без тебя ничего не спорится и не ладится, а начальник уже не раз пожалел о своей минутной слабости.

Валера обрадуется, если я на работу выйду. И девчонки обрадуются. И сына можно забрать от бабушки пораньше – в парк с ним сходить и на озеро съездить. Вот и получается, что увольнение мне только на пользу пойдет, раз стольким людям можно радость доставить.

В общем, не так уж тошно и муторно было спустя каких-то пару часов. Я даже вещи в каюте собрала, чтобы завтра не возиться. Буду с утра на палубе стоять и всматриваться в туманную даль. А еще лучше с вечера на палубе обосноваться – глупо спать в последнюю ночь на корабле. Можно даже с Димычем договориться, пусть он из бара чего-нибудь горячительного принесет, раз Серега-олигарх всех угощает, и просидеть всю ночь на корме, на звезды смотреть и романтические разговоры разговаривать. Димыч не откажет, если попросить хорошо и ситуацию грамотно обрисовать.

Но увольнять меня никто не собирался. Напрасно я попадалась Володину на глаза, чтобы решить этот вопрос разом. Пусть скажет сейчас, что в моих услугах фирма больше не нуждается, и можно не терзаться больше.

Володин молчал. Сначала я подумала, что он решил объявить мне об увольнении после ужина, чтобы я доработала этот день, а не вздумала уйти прямо сейчас, когда каждая пара рук на счету. Но он вел себя так, будто ничего не случилось. Даже шутить пытался, и со мной в том числе. А про несчастье с Мартой ни словом не обмолвился, как будто и

не было ничего. Как будто это не он орал, весь красный от ярости, и обещал с нами «разобраться». Словно подменили человека. Ну, просто сама любезность в дурацком галстуке.

Я поделилась своим недоумением с Катей.

– Может, ему Нечипорук внушение сделал? – предположила она, немного подумав. – Это, как ни крути, несчастный случай, увольнять тебя не за что. А если виноватых искать, так первого надо Володина наказывать. Он метрдотель, между прочим, значит, первым и отвечать будет. Нечипорук – мужик неглупый, просто так головы рубить не станет. Скорее всего, это он Володина образумил. Так что работай спокойно, никто тебя не уволит, и не мечтай.

Пару часов назад я бы обрадовалась такому повороту событий, а теперь, когда мысленно была уже дома, со всеми вытекающими приятными подробностями, даже немного расстроилась. Не получится у меня захватить кусочек лета, не будет ни озера, ни парка. Придется и дальше грязную посуду убирать, улыбаться изо всех сил и мечтать переобуться из тесных туфель в тапочки. Зря только вещи собирала.

Марты не было. Анна с Алексом сидели рядышком и на другой край стола не смотрели. Напитки им принесла Карина. Анна что-то долго-долго говорила ей, как будто жаловалась. Карина кивала и улыбалась. Алекс недовольно хмурился. Может, Анна про их непонятные отношения всем подряд рассказывает? Сначала Марте, теперь вот Карине.

– Да ничего такого она не рассказывала, – разочарованно сообщила Карина после ужина. – Марту ей жалко, про здоровье ее пыталась узнать, а «русского доктора» найти не удалось. (Это они все теперь Вадика «русским доктором» зовут, прониклись уважением, можно сказать.) Очень испугалась, когда с Мартой приступ случился, думала, что та умереть может. Теперь плачет все время, как вспомнит. Жалеет, что поехала в Россию – это Алекс ее уговорил, а она послушалась. Парик у нее пропал куда-то – тот симпатичный, в котором в первый день была – теперь приходится в этом рыжем ходить, а он неудобный. Ерунда, в общем, – перепугалась тетка, теперь всякая дрянь ей в голову лезет, про смерть да про парики. Кому нужен ее парик? А она думает, что горничная украла. Еще пожалуется, чего доброго.

Карина у нас сегодня на перетирке – от каждой станции по одному человеку каждый раз приборы и бокалы перетирают. Тут главное – успеть захватить достаточное количество горячущих после посудомоечной машины ножей и вилок. А потом уже перетирать себе спокойненько. Не совсем, конечно, спокойно – нужно поторапливаться, пока они не остыли. Иначе до зеркального блеска не натрешь. Так что размышлять о смысле бытия на перетирке не получается. А вот болтать о том о сем можно. Руки сами работают, по привычке, стоять молча вокруг стола скучно, вот и делимся новостями и наблюдениями.

Я как раз занесла в сервировочную пылесос и останови-

лась на минутку послушать, о чем девчонки оживленно беседуют. Пожалуй, даже слишком оживленно.

– Что ты так нервничаешь? Я же правду сказала, ничего не придумала, – Карина смотрела на Светку Зотову с искренним удивлением.

– Засунь себе свою правду знаешь куда! – парировала взвинченная Светка. – Кому нужна твоя правда? Что ты вынюхиваешь все?

– Я не вынюхиваю! Я говорю то, что своими глазами видела. А если тебе за что-то стыдно, так не надо этого делать, вот и все.

Карина опять в своем репертуаре. В темных глазищах слезы, а на лице решимость и готовность идти до конца. Правдолюбица, блин! Девчонка наблюдательная, но совершенно непредусмотрительная – брякает все, что видит. А видит она многое. Мы все поражаемся, как она ухитряется все замечать и все про всех знать. Другая бы при таких способностях шантажом промышляла вовсю. Карину деньги не интересуют – она все замечает просто так, бескорыстно. И рассказывает о том, что видит, тоже без всякой задней мысли. Просто так, из любви к искусству.

– Мне – не стыдно, – глядя в упор на Карину, заявила Светка. – А вот тебе я посоветую язычок свой попридержать, пока я его тебе не укоротила. И глазками лучше по сторонам не зыркать, не доведет это тебя до добра.

Двое других девчонок помалкивали на всякий случай, но

на готовую заплакать Карину смотрели неодобрительно. Если что, будут они на Светкиной стороне, Карина со своим простодушным любопытством многим уже успела насолить. Надо спасать, пока не поздно, – Зотова в гневе почище всякого торнадо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.